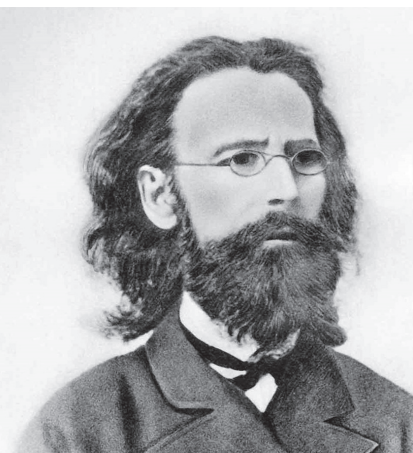

Афанасий Прокофьевич
Щапов (1831–1876) –
русский историк, этно-
граф, публицист.

Афанасий Щапов родился в селе Анга Верхотенского уезда Иркутской губернии в семье пономаря местной церкви Ильи Пророка и крестьянки-бурятки. Учился в духовной семинарии в Иркутске, продолжил образование в Казанской духовной академии. Во время Крымской войны в Казань было перевезено собрание рукописей Соловецкого монастыря, в описи которых Щапов принимал участие. Знакомство с этими документами стимулировало интерес к расколу, о котором Щапов написал магистерскую диссертацию и потом на ее основе книгу «Русский раскол старообрядства» (1859). Уже в этих ранних текстах Щапова раскольники выступали в роли действующих агентов народного недовольства и сопротивления нажиму официальной церкви, с одной стороны, и империи – с другой. В наиболее развернутом виде эти идеи были высказаны Щаповым в книге «Земство и раскол» (1861), написанной уже в Санкт-Петербурге. Здесь борьба старообрядцев с никонианами описывается как противостояние областного земства – демократически-общинного начала народной жизни – с имперско-бюрократической централизацией, несущей деспотизм и закрепощение. Раскольничий «разгул демократического азарта» проявил себя и в последующих казачьих мятежах – исторических сражениях за «земское народосветие» (термин, позаимствованный Щаповым у Ивана Посошкова), которое Щапов мыслил как наиболее желательное политическое устройство России. В 1861 году он присутствовал на панихиде по жителям села Бездна, убитым во время волнений в связи с обнародованием царских манифестов об освобождении крестьян. Произнесенная Щаповым речь содержала лозунг «Да здравствует демократическая конституция!». Неоднократно Щапов арестовывался и ссылся. Будучи профессором кафедры русской истории Казанского университета (1861), он прославился своими радикальными общественно-политическими взглядами. Последние десять с лишним лет жизни провел в Сибири, где активно занимался публицистикой и этнографией местных народов. **[Кирилл Осват]**

¹ Фрагменты из работы Афанасия Щапова «Земство и раскол» (1861) печатаются по изданию: Щапов А.П. *Земство и раскол I* // Он же. *Сочинения*. СПб., 1906. Т. 1. С. 451–467.

Земская рознь великорусских областных общин в Смутное время по согласию всех местных земских советов кончилась общим решением их – *быть в любви, в совете и в соединении*; кончилась, следовательно, земско-областной федерацией. Результатом федерации областей и взаимного согласия всех областных земских советов был *сбор всей земли, сход всех городов* под Москву. Венцом, результатом общего согласия всех областных земских советов, схода всех городов, сбора всей земли под Москву, был *совет всей земли, земский собор* 1613 года. На этом соборе избран был царь *всею землею, по записи, какова уложена была по совету всей земли*. «И возрадовались – по словам государственной книги о земском соборе 1613 года – всяких чинов люди московского государства, и выборные, и не выборные, все земские люди, от мала до велика, что у всех Бог вложил в сердца одну мысль».

К прискорбию народному, недолго продолжалась эта радость земская. Через пять лет обнаружилась *скорбь конечная*. Общинно-областной челобитный голос народный скоро дошел до слуха новоизбранного царя и побудил его в 1619 году созвать собор для обсуждения различных вопросов *о земском устройении и о многих статьях, чтоб в государстве многие статьи поправить к покою и к строенью людям*. На этом соборе сам царь изобразил печальное состояние народа в таком виде:

«Судьбами божиими, а за грех всего православного крестьянства, московское государство разорилось и запустело; а подати всякие и подмоги ямским охотникам берут с одних по писцовым книгам: одним тяжело, а другим легко; а дозорщики, которые после московского разоренья посланы были по городам, дозирали и писали по дружбе, за иными легко, а за другими, по недружбе, тяжело. *И от того всяким людям* московского государства *скорбь конечная...* Из некоторых заукрайных городов посадские и всякие люди бьют челом о льготе; а иные многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах, чтоб их пожаловать велеть от сильных людей оборонить».

Таким образом, тяглые земские люди на первой же поре после избрания царя почувствовали скорбь и тяготу от тягла государевой казны, от злоупотреблений государевых чиновников, писцов и дозорщиков, от насилия бояр. На первой же поре они подали и голос свой об этом. Мощь, энергия юной, кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия, произвола и сдержки. А избрание царя волей народа, всею землею, по записи совета всей земли жизненная народная потребность нового соединенно-областного *земского строенья*, на свободных, излюбленных самим народом началах любви, совета и соединения, естественное, жизнью народною требуемое и вы-

работанное, право на местные земские советы и на общие земские соборы, наконец исстаринное, жизненно-народное право общинно-областной земской челобитной гласности перед правительством – все это, естественно, неотъемлемо уполномочивало областные общины смело вопиять к избранному народом царю, протестовать против произвола, насилия и стеснений; представлять различные интересы и потребности местной областной жизни; сообщать местно-областные, жизненно-народные материалы для законодательства; подавать местно-областные советы общему земскому совету и царю; требовать на живые, свободные, прямые вопросы жизни прямых, свободных, живых ответов царя, правительства.

Мощь, энергия юной, кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия, произвола и сдержки. А избрание царя волей народа, всею землею неотъемлемо уполномочивало областные общины смело вопиять к избранному народом царю, протестовать против произвола, насилия и стеснений.

И вот, областные общины в течение всего XVII столетия неумолчно и смело вопияли к царю в своих общинных, земских челобитных. Смело и неумолчно высказывали оне все разнообразные, земско-областные неустройства, разладицы свободы земства с приказным произволом, свободы земских *животов и промыслов с запросами и прибылью государевой казны*, льготы с тяглом, свободы торговли с таможенными сборами и заставами и прочее. Все великорусские областные общины по исстаринному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной, общинной гласности и требовательности, смело и откровенно высказывали в своих земских, общинных челобитных все неудовольствия, страдания, протестации, нужды и просьбы, сообщали правительству местно-жизненные материалы для земского строения. По временам голос земства смело раздавался и на земских соборах.

При обилии и разнообразии вопросов нового соединенно-областного земского строения и самые земско-областные челобитные были почти бесчисленны и повсеместны и вопросы, ими поднимаемые, чрезвычайно разнообразны, как разнообразны были местные особенности и интересы областных общин. Повсюду в областях волостные и городские люди, тогда еще жившие земско-общинною жизнью, по исстаринной колонизационной связи, по нераздельности и свободной вы-

борности городского или сельского поселения и промысла, по общинности и тождественности быта и интересов – повсюду, говорим, в областях городские и волостные люди, посадские и крестьяне, вместе сходились на земские советы в города. Здесь они составляли общинно-областные челобитные, выбирали излюбленных, доверенных ходоков *во всех место* и посылали их с челобитными в Москву, к царю.

Акты XVII века наполнены этими общинно-областными челобитными так же, как ими наполнены были московские приказы и в особенности нарочно для того устроенный в XVII веке Челобитный Приказ. И сколько в этих земских челобитных высказалось энергии народной жизни, смелой протестации и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконец, практической способности областных общин к представительству своих местных нужд и интересов, к подаче практических, жизненных советов правительству в деле земского устройства. Вот, например, ямские охотники, поселившиеся от Перми до Верхотурья для отправления государственной ямской гоньбы, для перевозки припасов, колонистов и приказных людей в Сибирь, беспрестанно шлют к царю челобитные *во всех место*. Они сильно протестуют против неправильного распределения ямов, пространства ямских разгонов, против несообразности их с местными топографическими условиями, откровенно выставляют правительству на вид его несообразительность с местными областными условиями и даже совершенное незнание этих местных особенностей; раскрывают правительству, как лучше, удобнее, сообразнее с местностью устроить отправление ямской гоньбы; чрезвычайно изобразительно описывают неисправность, неудобства дорог и мостов, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для них ямской гоньбы, вопиют, что она «не в мочь им и их лошадям, которые на дорогах издыхают», что просто им остается *только брести врознь*.

Вот земские люди древней вольной новгородской колонии, земли важской, шлют в Москву с земско-областной челобитной мирских посыльщиков *«во всех важан – шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети – крестьян место»*. Жалуются, протестуют они против того, что царские приказчики и их тиуны завели у них на Ваге никогда не бывалую прежде пошлину, не дают им свободно ездить в Холмогоры с хлебом, сермяжными сукнами, с овчинами и с маслом, а назад не дают свободного проезда с солью – берут с них, с хлеба, с скотины и со всех товаров пошлину на Ваге, во всех четвертях и по волостям, и оттого-де у них и промыслы стали; никто затем ниоткуда ни с какими товарами к ним не едет, и им остается только всем *брести врознь*.

А там другие областные общины шлют к царю челобитные на воевод и приказных людей, прямо протестуют против приказного управления во имя земского самоуправления и самосуда. Они, сожалея о старинном праве излюбленного самоуправления, требуя восстановить его, пишут царю, что у них в областях до московского разоренья приказных людей не бывало, а судили их мирские выборные судьи, и жалуются, что с тех пор, как стали у них быть приказные люди, им от тех приказчиков причиняются большие налоги, убытки в посулах и кормах продажи страшные – и от тех посулов, налогов и насильств от приказных людей они, посадские и крестьяне, оскудели, не имеют, чем платить царских податей, и *хотят брести врознь*. Областные общины готовы были ежегодно платить казне откупу от приказных властей рублей по 1000 и более; только требовали, чтоб царь освободил их от приказного начальства и предоставил им право излюбленного мирского выборного самоуправления и самосуда.

А вот еще областные общины шлют челобитные к царю, протестуют против приказно-правительственной писцовой отписи или приписи одной местной общины к другой для совокупного отправления государственных податей и повинностей, требуют земской территориальной и мирской, общинной особенности и самораспорядительности мирскими розметами и розрубам; выставляют правительству на вид местную географическую несообразность, неестественность, неудобность писцовой отписи или приписи; жалуются, что такая насильственная припись или отпись нарушала исстаринный, естественно-исторический жизненно-народный колонизационный строй областной общины. И бесчисленное множество подобных общинно-областных челобитных оглашало слух царя в XVII веке. Всего же чаще общинные областные челобитные были протестацией земства против воевод и других приказных властей и воплем местных хозяйственных интересов и нужд против централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопияли, вопияли таким образом земские общины и в конце каждой своей челобитной, как бы страшая государя, прибавляли: «и оттого земские люди *обнищали и оскудели до конца, дома свои бросают и бредут врознь*».

Вопия разнообразными областными челобитными, земские общины по временам – как мы сказали – выражали свои протестации и требования на земских соборах. Так на земском соборе 1642 года выборные от них громко, сильно вопияли против приказных царских дьяков, разбогатевших на счет посулов, взятков с народа, построивших на счет жалованных им земель и деревень «палаты каменные такие, что неудобь сказаемые»; вопияли против *лежащей домовою казны* патриархов, митропо-

литов, архиереев и монастырей; вопияли против царских дворовых приказчиков, разбогатевших в ущерб тяглым людям от жалованных вотчин, от приказных служб, от разных поборов с народа; вопияли против всех привилегированных чинов, разбогатевших и *отяжелевших* от богатства, на счет жалованных им земель и крестьянских деревень. Вопияли общинно-областные выборные на земском соборе против всех этих жалованных привилегированных властей и чинов и требовали, чтобы и на них на всех наложены были государственные сборы наравне с тяглым земством. Далее, земские выборные вопияли на соборе и против беспрестанных и разных приказных служб городовых, отвлекавших торговых и промышленных людей от торгов и промыслов; вопияли против разных обременительных сборов и повинностей, против разных казенных работ и дел и почти отказывались от новых ратных сборов; вопияли против безотчетного употребления и расточения на месте народных податей и сборов и требовали местного контроля над казной выборными от тяглых земских людей.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Областные общины готовы были ежегодно платить казне откупу от приказных властей рублей по 1000 и более; только требовали, чтоб царь освободил их от приказного начальства и предоставил им право излюбленного мирского выборного самоуправления и самосуда.

Наконец, особенно сильно вопияли на соборе гости всех сотен и торговые люди всех городов против воеводского управления в городах, против их вредного вмешательства в дела торговли и промыслов; прямо говорили царю:

«А в городах всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод; а торговые люди, которые ездят по городам для своих торговых промыслов, от их же воеводского задержанья и насильства в проездах, торгов своих отбыли».

Протестуя против воевод, выборные от городов напоминали царю про свое прежнее городское право самоуправления и самосуда, говорили: «а при прежних государях в городах ведали губные старосты; а посадские люди судились сами промеж себя, а воевод в городах не было». Вопияли, вопияли таким образом на земском соборе тяглые земские люди и в заключение своих речей опять говорили в слух царя:

«И от тех твоих государевых беспрестанных служб и сборов всякие тяглые люди *оскудели и обнищали* до конца, и от той большой бедности многие тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросают*».

И действительно во второй половине XVII века беглых, гулящих людей, избылых от тягла, бродивших врознь, обнищалых, оскуделых до конца, в великорусской земле стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыске беглых* так же, как ими наполнены были и приказ сыскных дел, и приказ разбойный.

На земском соборе 1648 года выборные от областных общин еще раз подали царю земскую челобитную. В челобитной этой они сильно протестовали против экономического неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономических прав для всего земства; требовали, чтоб «всякие торговые и промышленные люди – и владычни, и боярские, и княженецкие, и кабацкие откупщики – все были в тягле и в свободах или льготах *вместе равно* с тяглыми черными общинами – чтоб *во всем народе мятежа и розни не было*».

На вопль земских общинно-областных челобитных, на голос земских соборов вторили тоже и частные люди, помышлявшие о земском устройении, о недостатках и потребностях земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Так, например, в «Слове о правде», приписываемом духовнику царя Алексея Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаем:

«Если царь наш верую прав, то он должен неленостно изыскивать и рассматривать все, что относится к общему благополучию всех его подданных. Не о благе одних вельмож пещись, но и о всех до самого последнего. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами.* Прежде же всего нужны земледельцы: от их трудов производится хлеб; а хлеб главизна всех благ. Земледельцы беспрестанно переносят различные работные бремена: то дают денежные оброки, то ямские сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бывают посланы за царскими сборами, то сверх царского указа и себе много собирают с земледельцев; также и те, которые посылаются для прокорма коней; *на ямские расходы много серебра выходит.* Много также обиды бывает земледельцам и от того, что когда царские землемеры-писаря ездят по своему землемерному делу, то отмеривают царским воинам землю и всякому полагают землю врознь, и от того много медлят и много корму у крестьян съедают. О многих царствах мы читали, а такого злоупотребления не знаем. *Ямской порядок должно устроить весь подробно по расписанию от города до города. И тем, которые в городах торгуют, скупают и при-*

купами богатеют, и им должно носить этот ярем между всеми городами; ибо владеют большими прибытками. Кроме же этого ярма, никаким другим лишениям да не подвергаются, но пусть во всех городах без всяких воздаяний покупают и продают. Таким образом всякий мятеж земский умалится и писаря уменьшатся, сборы сократятся и взяток не будет».

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Известно также, в каком поучительном виде изобразил состояние Московского государства Котошихин. Известно равным образом и замечательное политико-экономическое сочинение «О Московском государстве» Юрия Крыжанича, в котором он подробно изобразил недостатки и потребности всего земства – торговцев, посадских и крестьян; смело говорит между прочим о *поправлении тиранства и злого владения*; указывает средства для этого в политической свободе, или, как он выражается, в *слободинах*, то есть в льготах и вольностях народных; сильно нападает на *лакомость* или *людодерство* приказного начальства, жившего – по его словам – *от продавания правды*.

И действительно нельзя было не вопиять земским людям в XVII веке, особенно со второй половины этого столетия. Московская централизация начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду в областях введено было воеводское управление вместо прежнего выборного самоуправления и самосуда. Вольнонародная колонизация и свободное самоустройство городских и сельских общин окончательно заменились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизацией, казенным городовым делом, указным устройством городов, острогов. Равноправное, свободное экономическое саморазвитие земства сильно подрывалось несправедливым, вопиющим разъединением земства на тяглые и льготные общины; неравные государственные условия экономического состояния общин и частных людей порождали вопиющее экономическое неравенство в народе: порождали множество *голутвенных, обнищалых, оскуделых до конца людей* рядом с *отяжелевшими* от богатства привилегированными людьми. Экономические интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тяглом, податями или тяглыми и разными сборами в государеву казну. Сильно развивалась монополия казны, например в кабацких откупках, во многих промыслах, особенно сибирских и поморских. Господствующим мотивом, принципом казны в распоряжении земскими доходами стало правило: *как бы государевой казне было прибыльнее*.

Истязательность, запросливість казны доходила до такого воззвания к земским людям: «хотя ныне промыслов своих убавьте, да дайте денег казне». Народ, недовольный кабац-

кими откупам и сборами в пользу казны, переставал иногда пить царское вино, так что кабацкие головы и целовальники по причине малых кабацких сборов доносили царю: «а в твоих, государь, царских кабаках питухов мало»; а царь строго упрекал воевод за недостаток кабацких сборов в таком, например, тоне: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало».

Началась дальше сословно-записная, или сословно-разъединительная, систематизация и рассортировка земства. Вольные народоправные черные волости к концу XVII века окончательно разделены были на классы крестьян помещичьих, казенных и дворовых. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое разделение; различие между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городским торгово-ремесленным и сельским земледельческим трудом. Крестьяне окончательно прикреплялись к сельской государевой и помещичьей земле, посадские – к посадской, городской земле. Крестьянам запрещалось иметь оседлость в городах, на посадах, устраивать, покупать и нанимать лавки в рядах и позволялось только *наездом* продавать свои товары с возов и стругов, на гостинном дворе. Крестьян, свободно, самовольно селившихся в городе, на посаде, для промысла или торгова, велено свозить в деревни; посадских, свободно, самохотно селившихся в селах и деревнях, велено *свозить на посады*, кто где жил.

Вместе с начатком постоянного, регулярного войска начало организоваться и военное сословие, солдатство. Вследствие признания преступлением прежнего свободного поставления в попы и дьяконы земских людей, крестьян и даже рабов, вследствие строгих указов о ставленниках и «записных книг новоставленным попам и дьяконам» совершалось сословное прикрепление духовенства к церкви, систематическое отделение, обособление его от земства как особой сословной касты. Вследствие разделения земского и церковного элемента духовенство теряло нравственную силу и влияние на земство, нравственно падало; земство отделялось, обособлялось от духовенства, предавалось больше умственному и религиозному влиянию своих народных грамотников, чем попам и монахам.

Наконец, образовалось особое сословие служилого и приказного городского дворянства. Бояре, дети боярские и приказные люди в приказных службах и в поместьях владычествовали над народом, обогащались на счет народа; боярство стремилось приобрести перевес над земством. Московские знатные бояре делались временщиками при дворе царя. «Царь молодой – говорили тогда некоторые земские люди – смотрел все изо рта бояр Морозова и Милославского». Таким образом, *земское устройство к покою людям*, обещанное царем Михаилом Федорови-

чем на соборе 1619 года, не ладилось или ладилось большею частью не в духе земства. Произошло даже разделение между *государевым, царственным и народным, земским делом* – разделение официальное, высказанное самим царем Алексеем Михайловичем. Этот царь не дал и той записи, каковая учинена была по совету всей земли на земском соборе 1613 года; по словам Котошихина, «государство свое правил по своей воле и того ради писался самодержцем; в его воле, чего хотел, то и мог сделать». Издав «Уложение», он дозволил выборным земским в числе 315 человек только выслушать его да подписать. В «Уложении» (скажем словами графа Завадовского) написаны были законы не для свободных граждан, а для рабов; кнут, избранное орудие во исправление судей и тяжущихся и ко извлечению по делам истины, полагаем, был действительнейшею принадлежностью суда. Для поддержания суеверия установлены там нелепые предписания, и для праздных людей и обитающих в печальных изуверства убежищах, узаконены за учиненную им самомалейшую обиду пени, часто приводившие в нищету неимущих и обогатившие отрекшихся от мира. Неудивительно после этого, что до 160 человек протестовали против «Уложения» и заточены были в Соловецкий монастырь.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

Вследствие разделения земского и церковного элемента духовенство теряло нравственную силу и влияние на земство, нравственно падало; земство отделялось, обособлялось от духовенства, предавалось больше умственному и религиозному влиянию своих народных грамотников, чем попам и монахам.

Вместо *земского строенья*, в духе народном, по воле, по общинно-областным, земским челобитным народным, царь Алексей Михайлович всякие дела, великие и малые – по словам Котошихина, – *по своей мысли учинял, как хотел*; первый, больше всех своих предшественников – московских государей, – стал вводить, как тогда говорили, *иноземские изменения, немецкие обычаи и поступки, немецкие чины иночиновны, немцев и прочие языки, яко благодеев, принимал и честию великою почитал*. Это учинение по мысли и воле царя Алексея Михайловича, без совета с земскими думными людьми, вопреки естественно-историческим, жизненно-народным, истаринным началам *земского строенья* – это учинение чинов и судов и обычаев иночиновных, немецких сильно возмущало земских людей. Они не были врагами собственно иностранцев, европейцев; на-

против, гости, торговые русские люди сами ездили в XVII веке за границу, в Голландию и Англию; немного спустя даже между расколо-учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшие *люторскую веру*, французский и немецкий языки. Но русские земские люди возмущались этим *немецким учинением* русского *земского строенья*, не *сочинявшегося отвлеченно*, а создававшегося жизнью всего народа, целого земства, своеобразно развивавшегося из духа народного. Вот почему – по словам одного хронографа – в 1665 году к царю Алексею Михайловичу приходил какой-то *муж мудрый* и советовал ему:

«– Не вводить, не учинять в гражданстве иноземские обычаи, чины и суды иночиновны.

– Что будет в гражданстве? – спросил его царь.

– В гражданстве будут тайные похищения скипетров людей; вельможных будет постигать как естественная, так и напрасная смерть. Затем последуют великие молвы, смущение и различные постановления уряду городского, последуют ненавистные, в *поношение и укоризну учиненные, законоположения, добрых обычаев смущения и мерзких прозябения*. А из-за этого будут великие скопища, сходы многонародные *чувствительные*. Бог да избавит, чтоб не выскочило оттуда какое-нибудь зло определенное. Тогда вельможам, боярам, начальникам пагубно будет; где будет суд и правда, там и браням не будет конца! Подданные восстанут против правителей *за то, что сердца их сильно опечалены и тоскою наполнены*. Хотя некоторые вельможи и помыслят об упокоении уставительном и всяку жилу натянут, чем бы колеблемый народ мог успокоиться, но мало помогут. Притом будут сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно воссвирепеют, погибнут».

Наконец, вдобавок к общим мотивам недовольства простой народ отягощен и раздражен был в начале царствования Алексея Михайловича повышением акцизной пошлины на самую жизненную потребность – на соль. Бессовестные чиновники, вроде главного судьи в Земском приказе Плещеева, и управляющего Пушкарским приказом Траханиотова, страшно обижали и притесняли простой народ до крайнего разоренья. Бояре задерживали народные челобитные. В приказах судебных не было правосудия, а к царю простой народ не допускали.

Все это вызывало громкий челобитный вопль земства, а за воплем недовольство, раздражение и восстание. Вопияли, вопияли таким образом земские люди и на земских соборах, и в общинно-областных, земских и в частных челобитных. Не услышали они жалованного слова; не получили успокоительного ответа на свои челобитные; не получили правильного, цельного и прочного земского строенья. И вот, вследствие разъединения, разделения *государева* и *земского* дела, вследствие нестройности, неладности земского устроенья в земстве

произошел разлад и раскол. Начались народные движения, бунты, ознаменовавшие царствование Алексея Михайловича и почти всю вторую половину XVII столетия.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

**Вследствие разделения *государева* и *земского* дела,
вследствие нестройности, неладности земского
устроенья в земстве произошел разлад и раскол.
Начались народные движения, бунты, ознаменовавшие почти всю вторую половину XVII столетия.**

Весьма многие земские люди с этого времени часто «государеву указу и повелению учинялись противны и, преступя его крестное государево целованье, про него, великого государя, износили непристойные речи, чего и помыслить страшно, и его государев указ ни в чем не слушали». А там, далее, уж глухо слышалось страшное слово: «Антихрист!». Взбунтовались сначала в Москве земские люди *всею землею*. В дворцовых разрядах сказано:

«1648 года месяца мая в 25-й день грех ради наших учинилося междоусобство от земских людей: просили у государя Земского приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указал им Леонтья Плещеева по их по прошенью отдать, и они междоусобством учинялись быть в непослушанье, а Леонтья Плещеева убили, и Посольского приказа думного дьяка Назарья Чисте-го убили, и дома их разграбили, и иные многие боярские дома, и стольников, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая в 26-й день учинилась большая смута, и учили *всею землею* просить у государя убить окольного Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велел государь им отдать, и они на площади Петра казнили».

Разъяренный народ останавливал самого государя на поезде, схватывал за узду его лошадь, держал царя за пуговицы и кричал: «На кого же нам надеяться, как не на тебя, царь!» От разъяренности массы – по словам Котошихина – «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страхе и боязни».

Вслед за московским бунтом – бунт коломенский, бунт в Псковской земле, бунт в Новгородской земле, бунт в Устюге, бунт в Сольвычегодске... Словом, *мир весь закачался* – как говорил тогда один из бунтовщиков. Бунты произошли во многих городах. По словам одного акта, «учинилась на Москве и по городам брань междоусобная, и доныне по городам мятеж». По географической раздельности областей, по разрозненности мотивов разрозненные местные бунты не могли объединиться

в одну общую оппозицию недовольного земства. Потому они скоро, один за другим были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

В это время в тиши на московском книгопечатном дворе возникает первый толк, первое согласие *раскола*. Никто тогда не думал не гадал, что это будет могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского. Никто тогда не думал, что этот раскол возник для объединения, для обобщения всех бывших дотоле и будущих разрозненных местно-областных народных движений в одно общее оппозиционное согласие недовольного земства, для обобщения всех неудовлетворенных, челобитных воплей, желаний, стремлений, недовольств, антипатий, протестаций и верований массы народной в одну оппозиционную *общинно-согласную*, церковно-и гражданско-народную доктрину, с подразделением только на разные частные толки и согласия. Тогда многие недовольны были только тем, что, например, Никон исправил по греческим церковным книгам своеобразные великорусские местно-областные разногласия, особенности в славяно-русских церковных книгах и в старинных народных религиозных обычаях. Равным образом многие негодовали на то, что царь Алексей Михайлович вводит в старинное великорусское земское строение *иноземное, немецкое учиненье, немецкие обычаи и чины*. Но никто тогда не знал, что с тех пор, со времени патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, раскол будет вековым отрицаньем греко-восточной, никонианской церкви и государства, или империи Всероссийской, с ее иноземскими немецкими чинами и установлениями. Наконец, никто тогда не думал и не знал, что со времени разделения *государева* и *земского дела* раскол возьмет на себя *земское дело* продолжать, развивать, по мере возможности, помимо *государева дела*, великорусское *земское строенье* новых общин, согласий, сходов, советов, соборов, по исстаринным своенародным началам, путем новой колонизации, путем новой религиозной пропаганды. [...]

Из московской клерикально-иерархической *поповщины* проникнув в массы земства, в городские и сельские общины, сделавшись, помимо попов, *без попов*, толком грамотников народных, раскол скоро стал *беспоповщиной*. И это направление он выразил опять прежде всего там же, на севере, в Новгородско-Поморской области, где давно стали появляться беспоповщинские учения, где земские люди исстари привыкли жить без попов, ограничиваясь мирскою часовенною религиозностью, почему в писцовых книгах XVI и XVII века постоянно означались *дворы поповы пусты*. Притом поморские черные волости исстари имели псковско-новгородскую привычку к мирскому

общинному самораспоряжению церковными делами и, кроме того, с XVI века находились под влиянием протестантских идей шведских перебежчиков. Вместе с тем, сделавшись великорусским народным учением, раскол стал отрицанием *грецизма*, или того, что называется *византизмом*. Это потому, что с XV века, со времени падения Византии, в Великороссии стали ненавидеть, гнать греков. Известна печальная участь ученых греков начиная от Максима Грека и до Арсения Грека, против которого московские расколоначальники особенно вооружились, так же, как и против малороссийских киевских ученых, так что в имени Арсения Грека, вместе с именами Никона и царя Алексея Михайловича, находили число антихристово – 666. По словам одного раскольникского сочинения про греков в половине XVII века, даже простой народ с насмешкою говорил, что им же нужно учиться у русских, а не учить русских.

С того момента, как раскол стал толком, учением массы народной, во всех классах ее появились расколоучители. Богатые гости, купецкие и посадские люди не только сами распространяли раскол, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устраивали раскольникские общины, согласия. Таков, например, был великолуцкий купец Иван Дементьев, ученик главного расколоучителя псковского и новгородского, протопопа Варлаама. Разъезжая по торговым делам по Новгородскому краю, купец этот – по словам Денисова:

«Всебогатый, преизобильный плод усугубил не в тридесять токмо и шестьдесят, но и во сто прозябаемый, яко и во граде, и в селах, и в весях, и во всех пределах новгородских нелепостно слово простираше. Откуда убо пребогато показа подвижение свое. Колики убо утверди в древне-православном стояти благочестии! Колики научи новопреданных блюстися догмат! И не прости токмо люди, но и честные и благородные персоны, и фамильные и славные лица в древнем блгочестии всекрепко утверди быти».

Таков точно был новгородский купец Лаврентий, «иже – по словам Денисова – харчевыми припасами куплю деяше: аще и неучен баше книгам, но книги в дому имея, отовсюду собираше человеки на книгочтение и спасительные о словесех божиих беседы». Таков же был в Олонце богатый купец Александр Гуттоев, «имением – по словам Денисова – изобильный и многих утвердивший в благочестии, откуда слава о ревности одного происхождаше». И множество во всех городах явилось подобных купецких и посадских людей-расколоучителей.

Крестьяне, вроде восхваляемых Андреем Денисовым, Василья Лисицына из села Крестецкого, Евсевия Простого, каргопольского Леонтья и других:

«Свободным языком похваляли древнюю веру, еще в беседах, еще на торжищах, во граде, в селах или где случалось, ясно разглагольствовали, и прочих соседей и окрестножителей всежелательно и братолюбно, доброревностно научали новин и Никоновых новоправлений весьма отбегать».

Дошло до сельских грамотников сильно распространившееся тогда мнение:

«Яко бы по тысяще лет Рим отпаде, яко же книга о вере глаголетъ, а по 600 летех Малая Русь отступи к Риму, а по 60 летех и Великая Русь превратится в разные нечестия и пестроты многи; последнее отступление третьего Рима при Никоне подвижесе».

И вот сельские, крестьянские грамотники по-своему взяли это мнение в толк, будто «вера отпадала триста лет и, наконец, в их время, отпала». И стали они измышлять свою, новую, русскую *крестьянскую* веру, так как и греческая вера прежде в актах часто называлась *крестьянскою верою*. Христианства, в его подлинном, полном учении, в греко-восточных преданиях, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли, потому что они – по словам псковского архиепископа Маркелла – как «люди зело простые», от времен Владимира и до XVII века научились только именам: Христос, Богородица, в молитвах своих только и произносили эти имена и молились всяк по своему разуменью, «елико кто что умеюще». Притом самая большая часть великорусского народа была не что иное, как крещеная, обруселая чужь, финны; следовательно, эта половина крестьянского населения еще менее могла познакомиться с христианством по греко-российским церковным книгам. По этим причинам некоторые из раскольников при допросах на суде прямо сознавались: «прямого-де христианского ученья, как проповедует восточная церковь, и от рожденья своего они не слыхали». И вот, зная только имя Христа да слыша из апокрифических народных сказаний, будто Христос иногда ходит по земле, является людям даже на полях, некоторые крестьяне стали искать Христа, чтоб он показал им себя видимо.

Сияла вера много лет
И стала вера отпадать
И отпадала триста лет.
И из тех людей – были люди умные,
И, соединясь между собою тесно,
Послали людей на святое место.
И пришли те люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога с неба на землю:
«Господи, Господи, явился нам.
В кресте или в образе

Было б чему нам молиться и верити».
И бысть им глас из-за облака:
«Послушайте, верные мои:
Сойду я к вам, Бог, с неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облекусь в нее,
Буду я по плоти человек, а по духу Бог.
Приму я распятый крест,
В рученьки и в ноженьки, гвоздильницы железные,
Пролью слезы горючие.
Станете ли ко мне в темницы приходить
И узы с меня снимать,
Десятую денежку подавать?»

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

И вот как легко в XVII веке демократизм массы разыгрывался игрой в самозванцы-цари, так точно простой крестьянин Владимирской губернии Муромского уезда Стародубской волости Иван Тимофеич Суслов явился религиозным самозванцем, антропоморфически назвал себя господом-Христом. И с тех пор самозванцев-Христов явилось несколько.

Сошел господь с неба на землю
И рожденье ему было в стародубской стороне,
А житие его было в белокаменной Москве,
Спознали про него Иудеи на земле,
Предали его на муку, на страданье².

Нельзя видеть в этом религиозном самозванце грубого богохульства. Скорее тут выразился мифологический антропоморфизм. В то время, когда вместе с прикреплением крестьян к земле помещиков и с появлением иночиновых званий, отличий и чинов, с усилением вельможества, боярства личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство с высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободным крестьянам до XVI века, в то время раскол во имя религиозного и гражданского характера своего возвышал личность крестьян. Раскол прославлял, возвеличивал простых поселян, невежд в поселянах, вроде Евсевия Простого; возводил их в святые, так же, как до XVII века, дети крестьян, наравне с детьми князей и бояр, достигали самого высокого почета, прославлялись святыми, чего с XVII, и особенно с XVIII столетия, крестьяне не сподоблялись. Только раскол возводил личность крестьян до апотеозы. Впоследствии, когда личность крестьянская сильно была подавлена, порабощена крепостным правом, окончательно нарушено было старинное юридическое равенство крестьян с высшими городскими классами земства; когда народные учения назывались дурацким

2 Суслов был пойман, для расспросов и пыток привезен в Москву к патриарху Никону и князю Одоевскому и посажен в тюрьму. – Примеч. А.П. Щапова.

расколом, слово мужик и дурак стали синонимическими и образовалась поговорка: мужик-дурак; когда вообще простой народ назывался подлым народом – тогда это религиозное самозванство христианами-искупителями, так называемые христовщины, выражало не что иное, как мифическую, религиозно-антропоморфическую персонификацию крестьянского народовластия, мифическое возвышение нравственного человеческого достоинства крестьянской личности, мифическое возведение ее до апотеозы. Эта мысль выражена в следующем народном стихе:

*Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Как и эти дураки,
Словно с медом бураки;
Как и в этих дураках
Сам Господь Бог пребывает.*

Раскол затронул, возбудил своеобразную русскую простонародную фантазию и мыслительность. Везде, по городам, селам и деревням, на улицах, на торжищах, в хоромаш купецких, в избах крестьянских, шли толки о *последнем времени*. Словно наступала новая эпоха в жизни, в судьбе масс. Сходились на пир, на беседу и здесь толковали о последнем времени. И было, впрочем, о чем толковать, когда началось страшное гонение на раскол.

Как у нас было на сем свету – во святой Руси,
Во славной матушке – каменной Москве,
Во мещанской третьей улице,
Не два солнышка сокатилися –
Туть два гостя ликовалися:
Гость Данило Филипович,
Гость Иван, сударь, Тимофеевич.
В одно они место съединилися,
Друг другу они поклонилися.
Поклоняется Иван Тимофеевич
Дорогому гостю богатому,
Даниле Филиповичу:
«Ты добро, сударь, пожаловать
В мою царскую палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, расставлены,
На столах скатерти накрыты,
Изготовлены яствы сахарные
Со пивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлеба с солью покушати!
И я рад твоих глаголов слушати
Про твоё время последнее
И про твой божий престрашный суд».

Начались гонения на раскол. Стали раскольников везде отыскивать и ловить.

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ

И когда то времячко пришло,
То до праведных дошло.
Стали праведных ловить,
В города возить стали и ковать,
Вязать, в земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денег на выкуп своих единомышленников из тюрем и темниц.

Уж как по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Из дальних городов – израильских родов.
Приплывали гости
К Ерусалиму граду – каменной Москве,
Приходили они к земляной тюрьме:
«Ай вы, гой еси, караульщики!
Что это у вас за темницы стоят?
Что в темницах за невольники сидят?
Про что вы их бьете, про что мучаете?
Что на них пытаете, чего спрашиваете?»
Тут ответ держат караульщики:
«Ах вы, братцы, корабельщики!
Их про веру бьют божью истинную,
На них спрашивают самого бога Христа».
Стали гости между собою оглядываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпускать.

Между тем как в земстве усиливался раскол, то есть отпадение земских людей, как тогда говорилось, *от государева московского государства* и началась энергическая, решительная борьба раскола с силой правительственной на юге, в степях Донской Украйны, на Волге собирались народные борцы – казаки и все недовольные царствованием Алексея Михайловича. Собирались все те *обнищальные, оскуделые до конца и разбродившиеся врознь люди*, которые так долго, неумолчно и напрасно вопияли в своих земских общинно-областных челобитных против государственно-экономического неравенства земских общин и людей. Собирались те голутвенные, обнищальные люди, которые протестовали против исключительной привилегированности и льготы от тягла одних богачей, обогатевших от жалованных им вотчин, на счет тяглового земства; *отяжелевших* богатством многим от лежащей домовой казны и построивших на посулы, на счет жалованных крестьянских

деревень, на счет служебного приказного кормленья *каменные палаты, так что неудобь сказаемые*.

Собрались все эти *голутвенные люди* на Донскую Украину, выбрали атаманом Стеньку Разина и пошли с этим могучим предводителем вверх по Волге, против Москвы. И стали они избивать князей, бояр, воевод, всех приказных людей, всех богачей, разжившихся на счет льгот и привилегий. Стенька Разин объявил массам: «Я не хочу быть царем, а иду только избить всех князей, бояр, воевод и приказных людей и хочу сделать вас всех равными!». Тут, в бунте Стеньки Разина, раскол явился уж объединяющей силой, душой движения. Бунт Стеньки Разина был уже вместе и бунтом раскола, первым явным народным движением его, так как донское казачество тогда уже обратилось в раскольничью общину и возводило даже свои казачьи *рады, круги* до религиозной санкции в образе религиозных *рад* или *радений* и *святых кругов*. В честь своего вождя-освободителя от князей, бояр, воевод и приказных людей донские казаки в своем кругу воспевали песнь:

Ай у нас на Дону
Сам Спаситель во дому,
Ходит с нами
Во святом он во кругу.

Взбранный воевода, наш сударь, батюшка!
Плывет по Сладим-реке да царский корабль,
Вокруг царского корабля легки лодочки.
Во лодочках верны царски детушки,
Пловцы, бельцы, стрельцы, донские казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разин хотел сделать, в противоположность Москве, московскому государству, царством казачества и раскола, к чему и после, со второй половины XVIII столетия, стремились раскольники, особенно *бегуны*. В религиозно-общинном раскольничьем духе, Стенька Разин свирепо убил астраханского архиепископа и так же покушался поступить и с астраханским воеводой. Из Украины Донской, из царства казачества, расколо-казачье движение отозвалось в Северно-Поморской области, в средоточии религиозного и гражданского раскола. Там казаки-раскольники вместе с монахами соловецкими – по словам митрополита тобольского Игнатия – «начали быть во всем противны не только хулами св. церкви, но и благочестивого царя не захотели признать своим государем». «Воры-сотники – читаем далее в деле о соловецком бунте – про великого государя говорили такие слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкий бунт был раскольничьим протестом, антагонизмом Поморской

области против Москвы. Потому он и изображается в одном раскольниковом стихе как борьба Поморья с Москвою, с московским государством.

Бунт Стеньки Разина, бунт соловецкий, так же как и поморские пудожские движения Емельяна Иванова, Власки «лихого вора» и других, были прекращены... Но раскол остался и живуч и силен. В бою казачьем, в бунтах народных он еще больше укрепился, закалился, так сказать, слился с кровью масс. [...]

Подготовка к публикации Кирилла Осовата

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛ